

Наталья Мицюк, Наталья Пушкарёва

Пробуждение женского как феномен гендерной идентичности:

ДЕВИЧЬИ «ОБОЖАНИЯ» В ИСТОРИИ РУССКОЙ
СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (РУБЕЖ XIX—XX ВЕКОВ)¹

Natalia Mitsyuk, Natalia Pushkareva

The Awakening of the Feminine as a Pattern of Gender Identity
(The Phenomenon of Girl-Teenagers Adoration in the History of Russian Sexual Culture
of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)

Наталья Александровна Мицюк (Смоленский государственный медицинский университет, доцент; доктор исторических наук) nmitsyuk@gmail.com.

Наталья Львовна Пушкарёва (Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, профессор; доктор исторических наук) pushkarev@mail.ru.

Ключевые слова: история сексуальности, гендерная идентичность, женские гимназии, женские институты, практики «обожания», антропология девичества

УДК: 396.4

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_69

Обожание — восторженное проявление эмоций, преклонение перед кем-то — особый тип социальных отношений, имеющий в случае работы с нарративами определенную эвристическую ценность. Авторы ставят задачу проследить, как интерпретировались и менялись с возрастом «обожательские отношения», бытовавшие среди гимназисток, институток и епархиалок в XIX веке. Построенное на анализе автодокументальных источников (как опубликованных, так и архивных) в сопоставлении с образами, почерпнутыми из художественной литературы, исследование использует подходы гендерной истории и феминистской антропологии, в том числе концепты социального конструирования сексуального поведения и так называемой *пластичной сексуальности*. Контент и пространственность в девичьей среде нарративов, содержащих описание различных форм преклонения перед лицами одного с авторами пола, демонстрируют явную жизненность сублимированных форм подростковой сексуальности в повседневных практиках воспитанниц

Natalia A. Mitsyuk (Dr. habil.; Associate Professor, Smolensk State Medical University) nmitsyuk@gmail.com.

Natalya L. Pushkareva (Dr. habil.; Professor, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS) pushkarev@mail.ru.

Key words: history of sexuality, gender identity, female gymnasium, women's institutes, girl-teenagers adoration, anthropology of girlhood

UDC: 396.4

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_69

Adoration is an enthusiastic manifestation of emotions, admiration for someone — a special type of social relationship that has a special heuristic value in the case of working with narratives. The authors set the task of identifying, studying the semantic interpretation and age-related dynamics of the “adoration relationships” that existed among high school students, college girls and diocesan women in the 19th century. Based on the analysis of auto-documentary sources (both published and archival) in comparison with images drawn from fiction, the study updates the approaches of gender history and feminist anthropology, including the concepts of the social construction of sexual behavior and the so-called “plastic sexuality.” The content and degree of existence of narratives containing various forms of worship among girls has proven the widespread prevalence of sublimated forms of teenage sexuality in the everyday life of pupils of closed, gender-segregated educational institutions. A detailed description of the characteristics of psychological attachment (even addiction), emotional trauma, as well as the practices themselves that developed in the process of “adora-

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212 «Женская семейная память в России 18—21 вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

закрытых, гендерно сегрегированных учебных заведений. Подробное описание особенностей психологической привязанности (вплоть до зависимости), эмоциональных травм, а также самих практик, складывавшихся в процессе «обожаний», приводит к выводу о том, что такого рода социальные, групповые, индивидуальные отношения явно выходили за рамки дружеских и не сводимы к ним, как это считалось прежде в научной литературе. Однополые девичьи привязанности в обществе редко воспринимались как сексуальные, по причине того, что не предполагали пентрации и дефлорации. Собранный нарративный материал показывает, что сексуальные отношения в среде городских девочек-подростков были куда сложнее и богаче их терминологического обозначения (обожание) и стереотипных характеристик в научных работах. В статье рассматривается влияние жестко нормированных условий жизни в женских учебных заведениях Российской империи на эмоциональную жизнь их воспитанниц. Гимназисткам и епархиалкам предлагались лишь традиционные нормативные модели женского предназначения, которые трудно было согласовать с их сексуальными потребностями.

tion” led to the conclusion that this kind of social, group, and individual relationships clearly went beyond friendship and cannot be reduced to them, as was previously thought in the scientific literature. Same-sex girlish affections met with a tolerant attitude from society only because they did not involve penetration and defloration. The collected narrative material proved that sexual relations among urban teenage girls were much more complex and richer than their terminological statements (adoration), research stereotyping and previous semantic interpretations. The strict normalization of female sexual behavior, typical of Russian culture (which arose on an Orthodox basis), led to deviations from normal female maturation, although it was intended to consolidate traditionalism in sexual and reproductive behavior.

Исследование женской сексуальности как продукта определенных культурно-исторических условий в зарубежной науке началось около семидесяти лет назад и актуально до сих пор². В наибольшей степени на рождение этого направления в гуманитарных исследованиях повлиял поворот к человеку в социальном знании и развитие теории феминизма, которые вызвали к жизни интерес к особой, гендерной методологии в исторических исследованиях. Ее сторонницы настаивали на том, что женская история не сводима к истории мужской (веками приравнивавшейся к общечеловеческой), изучали особую женскую аксиосферу и настаивали на том, что в этом случае необходимо раздельное изучение женских и мужских социальных потребностей, женского и мужского социального прошлого. Касалось это в том числе и истории сексуальной культуры.

Вовлекая в научный оборот различные исторические источники, сторонницы новых подходов к анализу прошлого убеждали в существовании немалого числа культур, в которых женские чувственные удовольствия не были табуированы, размышляли о терпимости в отношении однополой женской привязанности в различные исторические времена [Faderman 1981; Johansson 2007; Мооге 1992], отмечали трансформации в трактовке женских сексу-

2 Первые попытки разобраться в особенностях женской сексуальности в зарубежной историографии связаны с 1920—1930-ми годами и именами З. Фрейда и В. Райха. См., например: *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989; *Райх В.* Функция оргазма: основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. М.: Университетская книга, 1997 (впервые опубликовано в 1927 г.). Однако исследования эти были прерваны войной и возобновились только в 1950-е годы. См.: *Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E., Gerhard P.H.* Sexual behaviour in the Human Female. Philadelphia: W.B.Saunders, 1953; *Bacon C.L.* A developmental theory of female homosexuality in Perversion Psychodynamics and Therapy. New York: Random House, 1956.

альных потребностей и попытки по-разному интерпретировать мотивы сохранения сексуальной притягательности у женщин к женщинам у разных народов [Herzog 2011].

В России тема женского чувственного удовольствия вышла за рамки истории медицины и проникла в область культурологии, этнографии и истории совсем недавно — не более четверти века тому назад. Изучение изменений в женской сексуальной культуре началось в 1990-е годы с развитием женских исследований в истории, либерализацией социального дискурса и готовностью открыто говорить о ранее замалчиваемых вопросах. Российское общество как общество многовековых запретов, в том числе и особенно сексуальных, стало поначалу предметом изучения именно зарубежных антропологов и литературоведов. Тема оказалась необычайно сложной для реконструкции в связи с фрагментарностью источников. Изучавшие русскую сексуальную культуру ученые поначалу уделяли внимание скорее запоздалой сексуальной революции в стране, то есть постсоветскому времени [Essig 1999], нежели более ранним эпохам. Но постепенно читатели познакомились с исследованиями историка из Принстонского университета (США) Л. Энгельштейн о «поисках путей обновления России» (в связи с многовековыми табу и извечным российским неприятием публичного обсуждения интимных вопросов) [Engelstein 1992]. Чуть позже российский читатель узнал и публикации оксфордского профессора Д. Хили по истории русской сексуальной культуры. Он первым обратил внимание на бытование однополых отношений в российских публичных домах и в среде интеллектуальной российской элиты в конце XIX — начале XX века [Хили 2008: 67–93].

В отечественной историографии интерес к антропологии сексуальности рожден трудами социолога, психолога и этнолога И.С. Кона [Кон 1988; 1997]. Изучая исторические примеры мужской однополый привязанности, он высказал предположение о наличии аналогичных связей в закрытых или полузакрытых учебных заведениях и между девочками. Его предположение отчасти подтверждалось данными, собранными первыми российскими исследовательницами внутригендерных коммуникаций в среде литературного бомонда 1900-х годов [Жеребкина 2001; Жук 1998].

Удивительным образом при всей обширности литературы по истории закрытых учебных заведений дореволюционной России первые исследовательницы повседневной жизни учениц этих институтов и училищ (см., например: [Пономарева 2019; Пономарева, Хорошилова 2009; Попова 2011]) не касались темы социальных образцов сексуального поведения (так или иначе влиявших на институток даже в самых закрытых школах и гимназиях), сексуальных норм и запретов, которые зачастую негласно существовали в этих сообществах. К очевидности этой темы первым осторожно подошел выдающийся петербургский литературовед А.Ф. Белоусов [Белоусов 2008]. Именно он (почти одновременно с историком педагогических идей В.А. Возчиковым) ввел в научную литературу саму тему «обожания» в женской подростковой субкультуре. Первые публикации появились как небольшие размышления по этому поводу в труднодоступных, нестоличных изданиях [Белоусов 2019; Возчиков 2014]. Относясь к огромным уважением к пионерскому поступку исследователей, мы решили проверить выводы, сделанные ими на ограниченном числе женских мемуаров, написанных женщинами, умевшими владеть пером и добавлявшими как писательницы дополнительные, иногда вымышленные подробности, на широком

круге автодокументальных источников, созданных институтками, гимназистками и епархиалками [Пушкарева и др. 2021]. У всех этих девушек мог быть разный жизненный опыт, но в плане эмоциональном он был во многом схожим: они находились в стадии женского взросления, пубертата, с присущими этому периоду гормональными всплесками. Физиологическую сторону формирования женской идентичности важно было учесть и одновременно задуматься над выводом А.Ф. Белоусова о том, что обожание «представляло собой определенную форму преклонения перед лицами, воплощавшими институтские идеалы и совершенства», поскольку было «репетицией главной женской роли» — имеются в виду роли жены и матери [Белоусов 2019: 124]. В том же духе оценивал «науку страсти нежной» между однополыми созданиями и мужчина-педагог: «трогательный, бескорыстный, добрый обычай», «девушки сами воспитывали себя через нежные фантазии» [Возчиков 2014: 75].

Разделяя концепцию социально-конструктивистской, дискурсивной природы сексуальности, мы сделали объектом изучения подростковую повседневность и быт российских женских учебных заведений (институтов, гимназий, епархиальных училищ), а предметом — известное явление в этом повседневном быту, феномен подростковой девичьей привязанности, именовавшейся «обожанием». Наши предшественники — историки, культурологи — ограничивались изучением российской сексуальной культуры лишь сравнительно узкого слоя столичного литературного «высшего света», о скандальности которого немало известно [Жеребкина 2018]. Нам же показалось научно значимым задуматься о том, какие отношения и связи складывались среди обычных подростков в женских учебных заведениях, насколько важное место они занимали в структурах девичьей повседневности. Нужно было изучить обыденные практики, образцы поведения столичных, а отчасти и провинциальных, девочек-подростков — институток, гимназисток, воспитанниц епархиальных учебных заведений, которые в обыденной жизни эпатажностью не выделялись.

Поставив задачей изучить феномен однополю женской привязанности в закрытых и полужакрытых учебных заведениях прошлого, исследователи неизбежно столкнутся со множеством вопросов. Насколько устойчивыми были социальные ожидания (одноклассниц девочек, преподавательниц) в отношении проявлений восторженного увлечения? Была ли связь между характером, особенностями поведения воспитанницы и ее склонностью проявлять возбужденные чувства в отношении старших девочек и преподавательниц? Случалось ли «обожание» младших? Имелись ли нарекания за излишнюю эмоциональность? Насколько «обожания» были распространены именно в те десятилетия (накануне кардинальных реформ быта, осуществленных большевиками и изменивших характер школьного образования) и как часто бытовали эти экзальтированные привязанности именно в той особой возрастной группе 10—14-летних девочек из семей образованных российских горожанок? Для специалиста по антропологии женской повседневности существенное значение имеет само описание совокупности действий стереотипного характера, которой присуще символическое значение, — то есть сопровождавшие «обожание» ритуалы, поверхностное объяснение которых могло не совпадать с их глубинным смыслом.

Важнейшим источником для исследования ожидаемо стали девичьи эгодокументы (альбомы, дневники, письма), а также литературные произведения автодокументального характера. Они позволяют раскрыть женскую субъективность и изучать интимные побуждения и мечты как эмоции девичьей подрост-

ковой повседневности [Моогe 1992]. Часть собранного нами эмпирического материала опубликована, иные (прежде всего дневники) содержатся в фондах российских архивов. Весьма полезны художественные тексты популярных в то время писательниц (Л.А. Чарской, А. Вербицкой, Е.Н. Водозовой и др.), тем более что многие из них сами были «институтками». Мы умышленно взяли для исследования тексты, которые написаны ученицами и выпускницами учебных заведений, основанных на разделении воспитанников по полу, поскольку в них желания девочек были под строгим контролем и регулировались системой подавления.

Следуя за М. Фуко и воспринимая сексуальность как социокультурный конструкт [Foucault 1984], мы поставили своей целью выявить воздействие социальных сил на девичьи желания и складывавшуюся женскую идентичность, исследовать это воздействие. В этом состоит новизна нашего исследования: в более ранних публикациях, упоминавших «обожания», сексуальная сторона явления не рассматривалась. Удобным и нужным конструктом для изучения процесса автономизации сексуального поведения и отделения его от прокреативного (а этот процесс в России начался не ранее конца XIX века) стал для нас термин *пластичная сексуальность* [Giddens 1992: 29—31] — сексуальность эмансипированная, освобожденная от требования к женщине исполнять свой «женский долг» (беременеть и рожать), имеющая гедонистические основания, изменчивая во времени.

Истоки привязанности между девочками-подростками

Любой читатель, взяв в руки произведения русских писательниц или беллетризованные женские мемуары рубежа XIX—XX веков, не может не заметить, сколь много места в них уделено эмоциональным описаниям «романтической дружбы», «дружбы-любви», названных в отечественных исследованиях «обожаниями», реже — «подражательством» [Пономарева, Хорошилова 2009: 78; Белоусов 2019]. Много места уделено им в автобиографических повестях Н. Лухмановой («Институтки», «Девочки») и Л. Чарской («Записки институтки», «Белые пелеринки», «Приютки», «Тайны института», «Гимназистки»). Эпизоды «обожательства» представлены во всех девичьих дневниках о годах, проведенных в институтах, пансионах, гимназиях, епархиальных училищах.

Одна из самых читаемых детских писательниц в России начала XX века Л. Чарская самым подробным образом описала существовавшее среди институток правило выбирать себе «душек», которых (как негласно считалось) нужно всячески «обожать» и «ублажать». Суть этих отношений была передана в диалоге главной героини Галочки и бывалой ученицы Нины:

...ученицы младших классов называются «младшими», а которые в последних — «старшие». Мы, младшие, обожаем старших. Так принято. Каждая из младших выбирает себе душку, подходит к ней здороваться по утрам, гуляет по праздникам с ней в зале, угощает конфетами и знакомит со своими родными, когда допускают на свидание³.

3 Чарская Л.А. Записки институтки. М.: Республика, 1993. С. 16.

Писательница перечислила подробности проявлений привязанности с помощью внешних предметов: «вензель душики вырезывается перочинным ножом на пюпитре», «пишут чернилами ее номер, каждая в институте записана под номером», «иногда имя душики пишется на стенах и окнах») и даже на собственном теле («некоторые выцарапывают его булавкой на руке»⁴). Описанная практика заставляет антрополога найти параллели между этими обычаями и модификациями ритуалов инициации в традиционных культурах.

Даже поверхностный взгляд на источники убеждает в том, что обожание простиралось всегда на старших — более взрослых воспитанниц, иногда — на учительниц, а в случае если в учебном заведении были преподаватели-мужчины, — то очень часто именно на них. Воспоминания выпускниц в любом случае отличаются некоторой эмоциональной иступленностью и излишней романтизацией. Объяснение тому видится в ранней изоляции воспитанниц закрытых учебных заведений от семьи, их оторванностью от обычного семейного быта с нормальным, уравновешенным проявлением чувств, а также со специфическими обычаями, которые складывались в конкретном учебном заведении. Поразительным для современного читателя является то, что половая принадлежность объекта «обожания» зачастую не играла роли. Обожаем сонмом девушек был, например, в Калужском епархиальном училище преподававший там физику молодой, но не слишком элегантный (если судить по сохранившимся фото и рисункам) К.Э. Циолковский⁵.

Что касается языка «обожания», то в личных ежедневных записях девушки могли называть свои чувства по-разному, в начале 1900-х годов часто встречалась формулировка «дружба-любовь»⁶. Значительное внимание уделялось описанию внешности объекта восторгов:

За красоту обожали и баловали. На полярном полюсе были красавицы и уроды, которые никогда не были кокетками. В кокетки попадали миленькие, которые отличались туго перетянутой талией, спущенной с одного плеча пелериной, счесанными со лба волосами [Короткова 2009: 171].

Описывая восторженных воспитанниц, подробно рассказывавших о предмете своих воздыханий, исследователи, как правило, центрировали внимание на стремлении этих *adoratrici* (обожательниц) походить на предмет своих воздыханий; потому преподавательницы не противились привычке делать предметом обожаний царствующих особ [Белоусов 2008: 18; 2019; Пономарева, Хорошилова 2009: 78; Попова 2011; Сафонов 1997]. Наиболее распространенным толкованием истоков практики «обожаний» были попытки увязать их с безотчетным следованием распространенным привычкам, моде и связанным с нею идеалом женственности [Пономарева, Хорошилова 2009: 78].

Мы предполагаем, что основной причиной распространенности экзальтированных привязанностей в среде епархиалок, гимназисток и институток были не только противоречивые социальные представления об идеальной женственности, но именно репрессированность женской сексуальности, табуирова-

4 Там же.

5 См.: Циолковский в воспоминаниях современников / Сост. В.С. Зотов. Тула: Приокское кн. изд-во, 1971. С. 138.

6 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. 1921. Л. 91 об. Автобиографические записки В.П. Багриновской.

ние вопросов, связанных с половой социализацией, равно как иногда почти полная изоляция девочек от мужского общества, «недоступность нормального полового объекта» и связанное с нею подражательное поведение [Мицюк, Белова 2016: 27]. Если главная психологическая проблема подростковой сексуальности — преодоление разрыва чувственно-эротических и романтически-возвышенных ее аспектов, то как было преодолеть подобный разрыв девушкам, чья сексуальная просвещенность была ничтожна и получить информацию было неоткуда? Воспитательницы иной раз заклеивали в Библии седьмую заповедь, дабы они, «не зная греховных страстей и пороков», не стали о них расспрашивать⁷. Лучшим способом держать девушек в ожидании идеальных чувств, не прибегая при этом к принудительным мерам, было сокрытие плотских реалий любовных отношений. Сексуальные отношения в представлении девушек всегда выражали крайне негативный смысл: «всякая грязь», «позор», «животное наслаждение», «скверность», «неведомая сила» «двойная жизнь», «половая похоть», «надругательство над душой», «гадость», «свинство» [Пушкарева 2000].

Стремление ограждать девушек от знаний об интимных отношениях и о своем собственном теле было общей чертой европейской педагогической мысли того времени, полагавшей, что центрирование на телесном может сделать женщину даже преступницей [Ломброзо 1897]. Меж тем женщинами руководило «желание знать»; однако XIX век не стал даже в Западной Европе веком их просвещения, а потому освобождения. Матери, стыдившиеся собственной сексуальности, вряд ли могли научить девочек умению получать радость от интимных отношений. Не удивительно, что во Франции середины XIX века врачи впервые заговорили о женской фригидности — но в итоге доказали лишь, что женские желания для выполнения прокреативных функций значения не имеют. В те же времена в Великобритании викторианский морализм неодобрительно относился к любому сексуальному просвещению; не случайно в западноевропейской медицинской мысли того времени женское половое развитие в основном увязывалось с «истеризацией» психики [Corbin 1990: 623—634].

В России воспитатели в закрытых учебных заведениях (с сегрегацией по полу) довели степень незнания девушек о своем теле до экстремальных форм, способствуя перенаправлению запретных чувств на предметы обожания. И если юношам позволялось развивать мир своих половых желаний [Кон 2004: 172], то девочкам предписывалось подавлять свою сексуальность, что обнаруживалось в нервных расстройствах и срывах. О «бледной немочи» как следствии неудовлетворенности полового чувства российские врачи и властители умов заговорили лишь в начале XX века [Brown 1986]. Их советы сводились к предписаниям больше отдыхать, лучше питаться и не перетруждаться, не слишком афишируя свои догадки о том, что «половую истерию женщин», как и их «общую слабость», обуславливает «неудовлетворенный половой инстинкт» [Пликкус 1902]. Едва ли не первой в русской медицинской науке этот факт был замечен женщиной-врачом, гигиенистом М.И. Покровской (1852—1927) в рукописи «Проблема полового воспитания и сверхчеловек». Она указывала на высокий процент самоубийств девушек в возрасте пубертата и связывала их с «дра-

7 *Полוצева Е.А.* Екатеринбургский институт полвека назад. М.: Университетская тип., 1900. С. 26.

мами» в интимных отношениях⁸. Татьяна Львовна Сухотина-Толстая, дочь писателя и сама писательница, вспоминая свое отрочество, откровенно признавалась, что интерес к сексуальной сфере отношений, отсутствие ответов на интересующие вопросы, а как следствие — мысли о самоубийстве были «сплетены в один клубок»⁹.

Табуирование вопросов, связанных с межполовыми отношениями, вкупе с жесткими требованиями самоконтроля, диетой (безвкусные блюда без приправ и остроты), гигиеной сна (холодные комнаты, жесткая кровать, ранний подъем) калечили психику девушек, заставляя жить в перенапряжении, а ограничение или полное исключение общения с мужчинами рождало попытки проецировать свои влечения на представительниц своего же пола. Если в Западной Европе воспитатели и врачи активно преследовали молодых воспитанниц подобных учреждений за «порок одиночества» (мастурбацию), которую даже считали более распространенной среди девочек, нежели среди мальчиков, не менее, чем за проявления излишней нежности к представительницам своего пола (им даже предписывалось не смотреть на себя обнаженных, всегда быть в сорочке, даже вечером и утром при причесывании и переодевании, а желая принять ванну, — закрывать глаза [Havelock 1936: 464]), то в российских воспитательных учреждениях для девушек таких строгостей не наблюдалось. За сексуализированными проявлениями нежности в России не следили. Так повелось издавна, поскольку и в допетровской Руси в сборниках церковных епитимий (наказаний за прегрешения) кары за малакию (греческий аналог термина «мастурбация») для девочек и женщин были небольшими, куда меньшими, чем у мужчин [Пушкарёва 1999].

Меж тем в закрытом воспитательном учреждении (епархиальное училище, институт) стремление взрослеющих девочек к самоутверждению, потребность в признании, в том числе телесном, постоянно вели к поиску «сердечных подруг». Вспоминая те годы, В.П. Багриновская назвала те чувственные поиски «воображением», «предчувствием любви»¹⁰ и, осознавая эротический подтекст своей привязанности, считала ее лишь некой тренировкой перед истинным испытанием чувств. Для эпатажных поэтесс и писательниц — З. Гиппиус, Л. Зиновьевой-Аннибал, М. Цветаевой, А. Ахматовой, С. Парнок, А. Евреиновой, П. Соловьевой — однополые связи олицетворяли свободу самовыражения, несвязанность с нормами морали; для институток же и епархиалок такие отношения имели иной смысл. Они никак не были проявлениями одной лишь «романтической дружбы», лишенной эротических форм межполовой коммуникации, как об этом писалось четверть века тому назад при издании первых воспоминаний институток [Белюсов 2008: 16]. На наш взгляд, тексты воспитанниц были буквально «прошиты» проявлениями эротизма, столь типичного для периода пубертата и пробуждения женского. Большинство современных исследователей готовы относить подобную экзальтированность к отношениям романтической привязанности, не видя в них проявлений женской сексуальности, главным образом потому, что потоки восторгов и признаний в любви не предполагали действий, будучи ограниченными словами. Чтобы опреде-

8 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2114. Оп. 1. Д. 9. Л. 67–68. Неопубликованные рукописи М.И. Покровской.

9 Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1980. С. 159.

10 РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. № 159. 1921. Л. 134.

лить, какой смысл вкладывался в описываемые девушками отношения, и решить, можно ли их рассматривать как проявления девичьей сексуальности, необходимо заострить чуть больше внимания на особенностях проявления «обожательских отношений».

Эротизм в девичьих ритуалах повседневности

Оттолкнувшись от наблюдения А.Ф. Белоусова, первым описавшего практики «обожания» в российских женских учебных заведениях и отнесшего их к особому роду дружбы, «пронизанной разнообразной обрядностью» [Там же: 19], стоит подробнее остановиться на сексуальной подоплеке всех этих условных «обрядов». «Обожание» не случайно бытовало именно в старшем отрочестве и юности (12—18 лет). В это время подростки находятся на важной стадии психосексуального развития, для которой, по мнению сексологов, характерны либо поиски объекта с доминирующими чертами (сила, авторитет, красота, интеллект), либо просто более взрослого, либо желание и готовность самой стать для кого-то таким объектом [Васильченко 2005; Кон 2004].

Объектом для обожания младших девочек, как правило, становились наиболее заметные, склонные к доминированию личности — иногда более взрослые девочки, иногда просто более опытные в жизненных вопросах. Старшая девушка рассматривалась как идол, в преклонении перед ней отражались нацеленность младшей на будущее, желание соответствовать объекту обожания. Иногда в женских дневниках обнаруживаются сердечные отношения между разными типами девочек — с доминированием как фемининных, так и маскулинных черт. Таковы признания гимназистки О. Ереминой, влюбленной в некую Иловайскую: «Когда я смотрю на нее, я желаю быть мужчиной, чтобы иметь право поцеловать ей руку»¹¹. Это во многом перекликается со словами современника Ереминой В.В. Розанова: «Самка ищет самку; в первой самке, значит, соприсутствует и самец. Волосы растут дурно, она их стрижет; нет девицы, а какой-то парень. Где здесь вечная женственность?»¹²

Стоит обратить внимание и на то, что при выборе объекта восторженных чувств на первый план выходили не личностные качества, а телесные признаки: глаза, волосы, улыбка, статность, грудь, руки, плечи, кожа. «Идти к Кити, видать ее вблизи! О, это было неописуемое счастье... Она поцеловала меня... Щеки Кити были такие мягкие, что нельзя описать. Прямой длинный нос, огромные карие глаза...»¹³, — любовалась своей избранницей юная гимназистка. Ей вторят дневниковые записи Ереминой: «Каждое ее движение, слово, жест, каждая мелочь ее лица, фигуры мне так дороги. Я люблю ее недостатки, ее всю со всеми хорошими и нехорошими чертами»¹⁴. Часто в записях можно найти признания в возникновении, по выражению Багриновской,

11 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 801. К. 3. Д. 59. Л. 88. Дневниковые записи О. Ереминой (Слезкиной). 1912—1913.

12 *Розанов В.В.* Люди лунного света. СПб.: Дружба народов, 1990. С. 51.

13 Центральный исторический архив г. Москва. Центр хранения документов после 1917 года (ЦГАМ. ЦХД после 1917). Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 24 об. Дневниковые записи О.В. Сварковской. 1905—1906.

14 НИОР РГБ. Ф. 801. К. 3. Д. 59. Л. 88. 1912—1913.

«странных ощущений»: учащенного биения сердца, замирания, покраснения, жара¹⁵ — всего того, что тот же В.В. Розанов относил именно к проявлениям однополых влечений: «Она волнуется между своим полом, бросает страстные взгляды, чувствует себя разгоряченную около девушек. Косы их, руки, шея и, увы, невидимые перси»¹⁶.

Обожательские отношения предполагали вполне конкретные ухаживания: не просто романтические признания, не только ежедневные восхищения, но и совершение «героических поступков» в знак своей привязанности («нужно сделать что-нибудь особенное, совершить какой-нибудь подвиг: сбегать ночью на церковную паперть, съесть большой кусок мела, проявить стойкость и смелость»¹⁷), — все это действия, аналогичные поведению при первой влюбленности. Ритуализированное поведение, включающее недвусмысленные глаголы («люблю», «ревную», «целую»), не было ни в одной женской гимназии, институте или училище под запретом, что говорит о приемлемости для руководства этих заведений романтических отношений между воспитанницами.

А. Вербицкая — писательница, утверждавшая за женщинами право вступать в сексуальную связь до брака, прислушиваться к своим чувствам и не считать приоритетным чувство долга, — едва ли не первой в русской литературе описала эти девичьи влечения. Не без самолюбования призналась она в своих воспоминаниях, что и сама была предметом обожания, что пятнадцатилетняя ученица из младшего класса шептала ей вслед «Красавица!», «Богиня!» и постоянно следила за ней, старясь попасться на дороге. Такое отношение было будущей писательнице приятно, оно чувственно будоражило ее: «Мы не знакомы. Я волнуясь, кровь бросается мне в лицо, у меня бьется сердце»¹⁸. Раскрыла писательница и ритуальную сторону «обожательских отношений»: ученица, желавшая близости общения, на утренней молитве подавала выбранной подруге свечку с живыми цветами и белой лентой. Эта деталь еще раз подтверждает характер особых отношений, сопровождавшихся некими условными, ритуализированными действиями, которые, однако, не имели будущего:

После двух-трех робких поцелуев с ее стороны и первых банальных фраз нам уже не о чем говорить... Вот уже третий день как мы встречаемся и все молчим... По правде сказать, мне еще приятно, что эта сильная, здоровая девушка дрожит и робет передо мной. Но разочарование уже холодком веет в душу. Под первым предложением я разрываю... Ее слезы и отчаяние меня не трогают. Она требует объяснений¹⁹.

Писательница повествовала о непреодолимой притягательности и силе сексуальных влечений, переживаемых девочками:

Она сторожит меня в коридорах! Я бледнею и краснею, встречая этот взгляд... Я страдаю, если она целует других нарочно. Это настоящая страсть, настоящая ревность! Ах, как интересно любить издали! Ревновать, надеяться, ожидать, грездить! Лишь бы издали²⁰.

15 РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 44 об. — 45. 1921.

16 Розанов В.В. Люди лунного света. С. 52.

17 Чарская Л.А. Записки институтки. С. 17.

18 См.: Вербицкая А. Моему читателю (детство, годы учения). М.: Тип. И.Н. Кушнерев и К°, 1911. С. 265.

19 Вербицкая А. Моему читателю (детство, годы учения). С. 266.

20 Там же.

Старшая современница А. Вербицкой — детская писательница и педагог Е.Н. Водовозова — назвала обожания «карикатурой на настоящую любовь», спустя годы увидев в них «пародийный, нелепый и дикий характер», особенно практики увековечивания памяти о своей страсти теми «чрезвычайно отчаянными», что «вырезали перочинным ножом инициалы обожаемого предмета»²¹.

Соперничество адоратрис — обычная и необходимая часть ритуалов обожания. Оно хорошо просматривается в дневниках 13-летней Оли Сварковской, описавшей свою «любовь к Кити» и борьбу за ее внимание с двумя-тремя соперницами²². После сделанного выбора, считавшегося «голосом сердца», общаться с бывшими претендентками на это сердце («на мою любовь были две претендентки») считалось предосудительным²³.

О сложности выбора лучшей и самой идеальной «обожаемой» при страстном влечении сразу к нескольким девочкам писали многие, например В. Варсонофьева («страстно, пылко, безумно и нежно люблю Елену», но в то же время рядом написала «наша любовь с Александрой взаимна», и именно ее назвала «своим утешением»²⁴. «Кроме дружбы, хорошей, товарищеской дружбы, соединяющей людей одного направления, появилась дружба-любовь» — жаловалась дневнику еще одна воздыхательница, доверительно описав и свое телесное томление: «...вместе ходили, часто целовались, горько плакали при ссорах и ревновали друг друга»²⁵. Другая гимназистка, не в силах выразить запретную страсть, записала: «Это не любовь, а что-то необъяснимое»²⁶. Сила влечения, внутреннего жара чувств была такова, что девочки сравнивали возникшее чувство с «сумасшествием». Не имея нужных слов, все они именовали свои переживания «любовь» — и в этом слове смешивались ревность, телесное влечение, желание трепетно ухаживать и признаваться в своих чувствах²⁷.

Подробно о пережитых тогда эмоциях писали позже в воспоминаниях те из прошедших подобное «воспитание чувств», кто позже оказался среди работниц умственного труда (как племянница П.А. Кропоткина Е.Н. Половцова, ставшая историком, автором многих работ по крестьянскому вопросу, по истории и археологии Византии) либо писательниц. Пережитое могло выплеснуться в мастерское владение словом, в умение выразить тонкие оттенки переживаний (как это случилось с Анной Горенко — будущей поэтессой А.А. Ахматовой, в гимназические годы увлеченной В. Тюльпановой (Срезневской)²⁸. Можно напомнить размышления Ж.Л. Пастернак — сестры литератора, росшей в одной с ним атмосфере огромной значимости слова. Она тоже вспоминала о первых девичьих опытах «пылкой дружбы» в стенах учебного заведения, откровенно именуя их «лесбийской любовью». Размышляя об этой любви много лет спустя,

21 Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки. Воспитанницы институтов благородных девиц / Сост. В.М. Бокова, Л.Г. Сахарова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 257.

22 ЦГАМ. ЦХД после 1917. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 21. 1905—1907.

23 РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 91—91 об. 1921.

24 Российский государственный архив экономики. Ф. 3. Оп. 1. Д. 462. Л. 31 об. Личные дневники и дневниковые записи В.А. Варсонофьевой. 1897—1910.

25 РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 91 об. 1921

26 НИОР РГБ. Ф. 801. К. 3. Д. 59. Л. 88. 1912—1913.

27 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 601. № 947. Л. 3. Дневник Половцовой (Е. Кравченко). 1873—1878.

28 Ахматова А. Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М.: АСТ, 2014. С. 15.

она писала, что такая привязанность не «была тогда распространена в России» («Попробуй найти французский роман, в котором школьница не пытается лечь в постель со своей подружкой или ученицей! Но ни в русской литературе, ни в русской жизни ничего подобного не было в помине»²⁹). Признаваясь в своих сексуальных фантазиях раннего пубертата, она честно сообщила, что представляла в них и мальчиков, и взрослых женщин, но особенно... учительниц: «...я была влюблена во фройляйн Хеннингс... страдала, томилась и упивалась мгновениями, когда она смотрела на меня»³⁰.

Направленные на девушек старше себя фантазии воспитанниц мучили и будоражили их сравнительно недолго. Проходила всего пара лет, и интерес девушек к представительницам своего пола исчезал. Основываясь на девичьих дневниках, нам не удалось обнаружить прямой связи между пубертатным «обожанием» и последующими сексуальными предпочтениями. Пытаясь самой себе объяснить столь знакомый ей феномен и вспоминая переживания ранней юности, М.И. Цветаева пришла к выводу, что как раз «нормальный, естественный и жизненный случай» — это когда девушка от страха к «врагу-мужчине», влекомая к нему, но старающаяся подавить такое влечение, «идет к женщине»: «Как хотелось бы иметь ребенка — но не от мужчины! <...> Как хотелось бы ребенка — но только моего!»³¹ Зов природы — инстинкт материнства — кладет конец, согласно ее мыслям, подобным мечтаниям: «Ребенок — единственная уязвимость, рушащая все дело. Единственное, что спасает дело мужчины. И человечества»³².

Смысловые интерпретации «обожательских отношений»

Женские однополюе привязанности десятилетиями, если не столетиями не тревожили российских воспитателей. Книги Л. Чарской, Н. Лухмановой, А. Вербицкой, в которых обожания с публичными восхищениями своими «предметами» были описаны самым подробнейшим образом, были рассчитаны на массового читателя — на подростков, чьи литературные интересы контролировались воспитателями и членами семьи (если после училища ученицы приходили домой). По словам Е.Н. Водовозовой, институтки охотно делились с родителями именами тех, кого они обожают, сколько раз в неделю им удалось встретить «обожаемый предмет»³³. Никто не запрещал обожания, в том числе и ориентированные на духовные скрепы церковные мыслители, прежде всего потому, что, в отличие от своих американских и западноевропейских «сестер» [Stowe 1983], воспитанницы российских закрытых учебных заведений не позволяли никаких недвусмысленных телесных ласк.

Именно поэтому, надо думать, классные дамы никогда не наказывали за сам факт «обожания» — разве что если он влек за собой нарушение дисципли-

29 Пастернак Ж. Хожение по канату. М.: Три квадрата, 2010. С. 55.

30 Там же. С. 47.

31 Цветаева М. Письмо к Амазонке // Эрос. Россия. Серебряный век / Сост. А. Щуплов. М.: Серебряный бор, 1992. С. 64.

32 Там же. С. 67.

33 Водовозова Е.Н. На заре жизни. С. 254.

ны (например, опоздания). Женщины-авторы без смущения повествовали об интимных прикосновениях к руке или щеке, о невинных девичьих поцелуях «в плечико»...³⁴ Прошло всего полвека — и идея того, что подобные мечтания девушек — это неслучайный и отдельный эпизод на пути нормального развития женщины — медленно, но верно обрела права гражданства.

Характерная неоднозначность интерпретаций в отношении женской привязанности была отмечена исследовательницей феномена лесбийских отношений Л. Фейдемэн [Faderman 1981]. Она пришла к выводу, что любовные отношения между женщинами не всегда рассматривались в сексуальных терминах, поскольку на протяжении длительного периода романтические чувства между женщинами (в силу их слабой наказуемости христианскими, в том числе и прежде всего православными нормами, — добавим мы!) вообще были за рамками сексуального контекста. Это происходило не потому, что эти отношения были лишены сексуального субстрата, а по причине того, что в среде образованных европейских и североамериканских горожан женщины долгое время воспринимались как существа асексуальные, лишённые сексуально окрашенных желаний, а потому и отношения между ними, даже самые близкие, считались проявлением как раз их особой, присущей именно женщинам, духовности и «чувствительности». Однако с эмансипацией женщин в конце XIX века социальная терпимость к однополой влюбленности закончилась. Мужчины стали видеть в этих отношениях подрыв традиционных представлений о женской сексуальности, в начале XX века в кругу столичных элит распространились вполне однозначно интерпретируемые однополые связи, и потому обожания в среде воспитанниц училищ, институтов и гимназий стали рассматриваться как потенциально патологические и даже опасные [Жеребкина 2000: 50—51].

Первыми проявившими беспокойство по поводу женских однополых привязанностей были западноевропейские врачи. Поначалу о таких привязанностях они писали как о неизбежном следствии случайной перверсии [Smith-Rosenberg 1985: 75], вполне, впрочем, исправимой. Размышления медиков, а затем и философов-теоретиков о лабильности сексуальных предпочтений, об их формировании в зависимости от ряда именно социальных (а не только биологических, точнее — физиологических) факторов, в том числе социально-культурных условий, формируемых национальными традициями и конфессиональными установками, совпадали по времени с разделением (веками крепко друг с другом связанных) прокреативного и сексуального поведения, с рационализацией сексуальности и увязыванием ее с гедонистическими потребностями личности [Foucault 1984].

М. Фуко много десятилетий спустя увидел важный подтекст в явлении подростковой женской однополой привязанности, зафиксировав наблюдаемое им появление сексуальных интенций как удовольствий, в известном смысле даже «каталогизировал» их [Фуко 1996]. Он был, как известно, первооткрывателем связанности истории культуры с историей сексуального поведения. Он же первым в гуманитарных науках доказал, что под влиянием авторитетного врачебного и педагогического дискурсов в XIX веке были сформированы и закреплены представления о норме и патологии в отношении поступков,

34 Там же. С. 154.

характеризующих сексуальную ориентацию, причем жесткие нормы конца XIX века как раз и закрепляли традиционность в сексуальном поведении, активно помогая решать демографические вопросы и реализовывая задачу воспроизводства рабочей силы в кругу «канонической семьи». Детская сексуальность вообще тогда была призвана аномальной, и врачи предлагали различные способы борьбы с нею, женская — по-прежнему лишалась права на открытое ее проявление, а женские однополюе привязанности именно на рубеже XIX—XX веков оказались замечены и получили именование лесбийских [Zimmerman 2000]. В русской литературе использовался другой термин — *сапфическая любовь*, подразумевающая и подчеркивавшая высокие чувства между женщинами, воспетые поэтессой Сапфо и считавшиеся в русской врачебной литературе этого периода проявлением «горячей дружбы» [Боннар 1994: 114—115; Жук 1998; Лихт 2015: 221—222].

И все же при всей готовности к восхвалению идеальных женских взаимных привязанностей аналитики рубежа XIX—XX веков вдруг обнаружили опасность однополюю влюбленности. Российские врачи поставили вопрос об отношении к однополюю женским связям также не ранее того же рубежа веков [Бургин 2004] — и это были преимущественно психиатры (В.Ф. Чиж, Б.И. Бентовин, И.М. Тарновский), изучавшие половую жизнь населения дореволюционной России [Хили 2008: 70—72]. К выводам они приходили явно под влиянием и с опорой на опыт и интерпретации зарубежных коллег, а не на российскую традицию равнодушия к женским сексуальным развлечениям друг с другом [Крафт-Эбинг 2013; Форель 1906]. Как и православные идеологи, они протестовали прежде всего против гомосексуальных отношений между мужчинами и толковали последние с позиции теории полового вырождения (тем более что в Западной Европе того времени ясно обозначился тренд в сторону криминализации этих отношений).

В отношении привязанностей между женщинами российский медицинский дискурс был очень сдержан. Врачебное вмешательство рекомендовалось, только когда связь предполагала определенные телесные практики, что говорило о первых попытках систематизировать проявления нормы и патологии в сексуальных отношениях. Патологические связи, связанные с действиями сексуального характера между женщинами, в российском медицинском дискурсе фигурировали под именем «трибадизм» (от греческого глагола τριβω — ‘натирать’, этот термин и сейчас используется как определение фроттажа, непроникающего секса между женщинами, заключающаяся в стимуляции вульвы). Петербургский врач Б.И. Бентовин решился сопоставить подобные практики проституток с феноменом обожания у гимназисток («среди проституток распространено обожание подруг — это в своей основе то же явление, которое замечается в женских гимназиях, но на фоне развращающей обстановки это идеальное чувство принимает характер лесбиянства») [Бентовин 1907: 108]. Врач пытался развести эти явления, именуя гимназическое обожательство «идеальным чувством», а однополюе связи между проститутками осуждал: «...юные, начинающие проститутки влюбляются в опытных подруг, старшая посвящает младшую во все уловки промысла» [Там же: 109].

В российской научной литературе однополюе привязанности между девочками десятилетиями считались проявлениями «романтической дружбы», на прикосновения и иные телесные практики никто не обращал внимания. В западноевропейских феминистских исследованиях в те же 1960—1970-е годы

прозвучал призыв оценивать проявления однополый женской подростковой привязанности как явления нормального психосексуального развития, уже потому, что большинство девочек всех поколений прошли через подобный этап. В своем классическом сочинении 1949 года С. де Бовуар напрямую писала о том, что лесбийские наклонности можно обнаружить на определенном этапе у всех девочек-подростков, потому что каждой из них необходимо «вырваться из-под материнской опеки и познать мир, в частности мир секса» [Бовуар 1997: 380]. Спустя полвека, в 1974 году, социолог Н. Чодороу также отнесла бисексуальные колебания подросткового возраста к нормальному сексуальному развитию («это время разрешения амбивалентности в пользу гетеросексуальности») [Чодороу 2006: 166]). В современной западной психоаналитической литературе интимные отношения вплоть до фроттажа считаются нормальными и квалифицируются как естественный процесс женского полового созревания («оплакать утрату детства и создать себе переходный мир», найдя в «подруге объект и средство для раскрытия собственной сексуальности» [Полюда 2003: 406]. Российские социологи и культурологи предпочитают этой теме касаться (как было уже упомянуто в начале статьи) только в духе сведения восторженной привязанности к «жажде дружеского общения» [Возчиков 2014: 69, 75].

* * *

Таким образом, женские эго-документы, оставшиеся от воспитанниц закрытых женских учебных заведений конца XIX — начала XX века, позволяют реконструировать небольшую страницу в антропологии женской повседневности и истории российской сексуальной культуры. Анализ девичьих дневников и воспоминаний повзрослевших воспитанниц продемонстрировал широкое распространение практики однополый привязанности у девочек-подростков. Несмотря на то что современные российские исследователи определяют эти отношения исключительно категорией «дружба», в женских автодокументах читатель встречается множество обозначений этих отношений — «предчувствие любви», «репетиция любви», а чаще всего — «любовь-дружба». Изучение феномена однополый привязанности между ученицами закрытых учебных заведений свидетельствует о том, что подобные связи были наполнены эмоциональностью, интимностью, глубокими переживаниями, различными формами ухаживания, ревностью, равно как множеством телесных практик (поцелуи, прикосновения, объятия, прогулки рука об руку, вплоть до готовности терпеть боль — при нанесении имени на кожу булавкой). Обращая особое внимание именно на телесные проявления этого особого девичьего влечения, можно сделать вывод, что оно было нормальным проявлением психосексуального развития и этапом становления женской сексуальности. В феномене обожания сливались воедино трепетная дружба и эротические помыслы. С одной стороны, девочки писали о взаимопомощи, о преданности, но помышляли в это время о жарких поцелуях, о трудновыразимых телесных желаниях — и размышляли о внешней красоте, деталях облика (коже, волосах, сложении), а потому и о типичных для влюбленных эмоциях — мечтах о ласках, сжигающей душу ревности, о болезненных, «никогда не испытываемых» ранее чувствах.

Для российских исследователей важным аргументом в пользу того, что проанализированные отношения были проявлением дружбы, выступал их платонический характер (ни одна россиянка не рассказала о фроттаже и даже не намекнула на него). Ни в одном из описанных российских «обожаний» не удалось встретить намека на конкретные телесно-эротические желания и практики (весьма недвусмысленно описываемые современницами россиянок в других странах) [Victorian women 1981: 88]. Россиянки в силу навязанной «невинности» были подчас настолько наивны, что не могли догадаться о том, что происходит с их телами вслед за душами: любые знания в отношении их полового развития оставались под запретом, как то было за сто и больше лет назад. Гимназистки и институтки не имели представления о телесной стороне отношений с мужчинами и представляли любовь только в виде романтических ухаживаний и поцелуев.

Спокойное отношение общественности к однополюй девичьей привязанности объяснялось тем, что готовность не молчать и умение говорить о желаниях своего тела в образованных кругах России тогда только зарождались. Известный шаг к рождению нового дискурса сделали врачи, разделив половые отношения на нормальные и патологичные. При этом обожательство, построенное исключительно на романтических ухаживаниях, оказалось социально одобряемым, поскольку проявления ничего опасного для решения демографических задач в них власти не замечали. Чуть позже описанные в собранных нами эго-источниках практики мгновенно сошли на нет. В годы советской власти, исключившей до 1940-х годов раздельное обучение мальчиков и девочек, никаких следов однополюх обожаний в советских школах не было. Но достаточно было не на долгое время появиться отдельным школам для девочек и мальчиков (1943—1954), как в рамках старших школьных классов вновь стали возникать практики поклонения [Шестаков 2019]. Можно быть уверенными в исключительной востребованности собранных антропологами повседневности материалов о последствиях раздельного обучения в дореволюционных учебных заведениях, когда речь заходит о женском взрослении. Идентифицируя однополюе отношения девочек как нормальные проявления их психосексуального женского сексуального развития, а не как вариант романтической дружбы, мы соглашаемся с теоретиками женского движения.

Библиография / References

- [Белоусов 2008] — Белоусов А.Ф. Институтки // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост. А.Ф.Белоусов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
(Belousov A.F. Institutki // Institutki. Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits / Comp. by A.F. Belousov. Moscow, 2008.)
- [Белоусов 2019] — Белоусов А.Ф. Дружба и обожание среди воспитанниц женских институтов в России начала XX века // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 120—126.
(Belousov A.F. Druzhiba i obozhanie sredi vospitannits zhenskikh institutov v Rossii nachala XX veka // Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2019. No. 2. P. 120—126.)
- [Бентовин 1907] — Бентовин Б.И. Торгующие телом: очерки современной проституции. М.: Л. Крумбюгель, 1907.
(Bentovin B.I. Torguyushchie telom: ocherki sovremennoy prostitutsii. Moscow, 1907.)

- [Бовуар 1997] — *Бовуар С. де*. Второй пол: В 2 т. / Пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. (*Beauvoir S. de. Le Deuxième Sexe: In 2 vols. Moscow; Saint Petersburg, 1997. — In Russ.*)
- [Боннар 1994] — *Боннар А.* Греческая цивилизация: В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д., 1994. (*Bonnard A. Civilisation grecque: En 2 t. T. 1. Rostov-on-Don, 1994. — In Russ.*)
- [Бургин 2004] — *Бургин Д.Л.* История лесбийской субкультуры в России: XIX—XX вв. // Бургин Д.Л. «Оттяготела...» Русские женщины за пределами обыденной жизни / Пер. с англ. С. Сивак. СПб.: ИНАПРЕСС, 2004. С. 45—65. (*Burgin D.L. Istoriya lesbiyskoy subkul'tury v Rossii: XIX—XX vv. // Burgin D.L. "Ottyagotela..." Russkie zhenshiny za predelami obydennoy zhizni. Saint Petersburg, 2004. P. 45—65.*)
- [Васильченко 2005] — *Васильченко Г.С.* Общая сексопатология. Руководство для врачей. М.: Медицина, 2005. (*Vasil'chenko G.S. Obshhaya seksopatologiya. Ru-kovodstvo dlya vrachev. Moscow, 2005.*)
- [Возчиков 2014] — *Возчиков В.А.* «Обожание» как становление человека счастливого // Историко-педагогический журнал. 2014. № 2. С. 69—76. (*Vozchikov V.A. "Obozhanie" kak stanovlenie che-loveka schastlivogo // Istorko-pedagogicheskiy zhurnal. 2014. No. 2. P. 69—76.*)
- [Жеребкина 2000] — *Жеребкина И.* «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. (*Zherebkina I. "Prochti moe zhelanie..." Postmodernizm. Psikhooanaliz. Feminizm. Moscow, 2000.*)
- [Жеребкина 2001] — *Жеребкина И.А.* Феминистская теория 90-х // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / Ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. (*Zherebkina I.A. Feministskaya teoriya 90-kh // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Pt. 1 / Ed. by I.A. Zherebkina. Kharkiv; Saint Petersburg, 2001.*)
- [Жеребкина 2018] — *Жеребкина И.* Страсть. Женская сексуальность в России в эпоху модернизма. СПб.: Алетейя, 2018. (*Zherebkina I. Strast'. Zhenskaya seksual'nost' v Rossii v epokhu modernizma. Saint Petersburg, 2018.*)
- [Жук 1998] — *Жук О.* Русские амазонки. История лесбийской субкультуры в России. XX век. М.: Глагол, 1998. (*Zhuk O. Russkie amazonki. Istoriya lesbiyskoy subkul'tury v Rossii. XX vek. Moscow, 1998.*)
- [Кон 1988] — *Кон И.С.* Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988. (*Kon I.S. Vvedenie v seksologiyu. Moscow, 1988.*)
- [Кон 1997] — *Кон И.С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: ОГИ, 1997. (*Kon I.S. Klubnichka na berezke. Seksual'naya kul'tura v Rossii. Moscow, 1997.*)
- [Кон 2004] — *Кон И.С.* Сексология: учебное пособие. Саратов: Academia, 2004. (*Kon I.S. Seksologiya: uchebnoe posobie. Saratov, 2004.*)
- [Короткова 2009] — *Короткова М.В.* Семья, детство и образование в повседневной культуре московского дворянства в XVIII—XIX вв. М.: АПК, 2009. (*Korotkova M.V. Sem'ya, detstvo i obrazovanie v povsednevnoy kul'ture moskovskogo dvoryanstva v XVIII—XIX vv. Moscow, 2009.*)
- [Крафт-Эбинг 2013] — *Крафт-Эбинг Р.* Половая психопатия / Пер. Н.А. Вигдорчик, Г.И. Григорьев. М.: Книжный клуб «Книгобек», 2013. (*Krafft-Ebing R. Psychopathia Sexualis. Moscow, 2013. — In Russ.*)
- [Лихт 2015] — *Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции / Пер. с англ. В.В. Федорина. М.: Феникс, 1995. (*Liht G. Sittengeschichte Griechenlands. Moscow, 1995. — In Russ.*)
- [Ломброзо 1897] — *Ломброзо Ч.* Женщина — преступница или проститутка. Киев: Изд-во Иогансона, 1897. (*Lombroso C. La Donna Delinquente: La prostituta e la donna normale. Kyiv, 1897. — In Russ.*)
- [Мицок, Белова 2016] — *Мицок Н.А., Белова А.В.* Сексуальное просвещение русской дворянки в семье, учебном заведении и обществе // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 20—35. (*Mitsyuk N.A., Belova A.V. Seksual'noe prosveshchenie russkoy dvoryanki v sem'e, uchebnom zavedenii i obshchestve // Novyy istoricheskiy vestnik. 2016. No. 1 (47). P. 20—35.*)
- [Пушкарева и др. 2021] — *Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицок Н.А.* Сметая запреты (Очерки русской сексуальной культуры XI—XX вв.). М.: Новое литературное обозрение, 2021. (*Pushkareva N.L., Belova A.V., Mitsyuk N.A. Smetaya zaprety (Ochera A. russkoy seksual'noy kul'tury XI—XX vv.). Moscow, 2021.*)
- [Пликус 1902] — *Пликус.* Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 10. № 19—20. С. 297—309. (*Plikus. Polovaya zhizn' // Akusherka. 1902. Vol. 10. No. 19—20. P. 297—309.*)
- [Полюда 2003] — *Полюда Е.* «Где ее всегдашнее буйство крови?» Подростковый воз-

- раст женщины: «Уход в себя и выход в мир» // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: РГГУ, 2003. С. 376—407.
- (Poljuda E. "Gde ee vsegdashnee buystvo krovi?" Podrostkovyuy vozrast zhenshhiny: "Ukhod v sebya i vykhod v mir" // Pol. Gender. Kul'tura. Nemetskie i russkie issledovaniya. Sb. statey / Ed. by E. Cheauré, C. Heyder. Iss. 3. Moscow, 2003. P. 376—407.)
- [Пономарева 2019] — Пономарева В.В. Закрытые женские институты Российской империи, 1764—1855. М.: Пятый Рим, 2019.
- (Ponomareva V.V. Zakrytye zhenskie instituty Rossiyskoy imperii, 1764—1855. Moscow, 2019.)
- [Пономарева, Хорошилова 2009] — Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины. XVIII — начало XX в. М.: Русское слово, 2009.
- (Ponomareva V.V., Horoshilova L.B. Mir russkoy zhenshhiny. XVIII — nachalo XX v. Moscow, 2009.)
- [Попова 2011] — Попова О.Д. Мечты и грезы епархиалки // Частное и общественное: гендерный аспект / Отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, Н.В. Новикова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 328—332.
- (Popova O.D. Mechty i grezy eparhialki // Chastnoe i obshchestvennoe: gendernyy aspekt / Ed. by N.L. Pushkareva, N.V. Novikova. Moscow, 2011. P. 328—332.)
- [Пушкарёва 1999] — Пушкарёва Н.Л. Интимные переживания и интимная жизнь россиянок // А се грехи злые, смертные...: Любовь, эротика и сексуализированная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в.): Тексты. Исследования / Под ред. Н.Л. Пушкарёвой. М.: Ладомир, 1999. С. 612—627.
- (Pushkareva N.L. Intimnye perezhivaniya i intimnaya zhizn' rossiyanok // A se grekhi zlye, smertnyye...: Lyubov', erotika i seksualizirovannaya etika v doindustrial'noy Rossii (X — pervaya polovina XIX v.): Teksty. Issledovaniya / Ed. by N.L. Pushkareva. Moscow, 1999. P. 612—627.)
- [Пушкарёва 2000] — Пушкарёва Н.Л. Мир чувств русской дворянки конца XVIII — начала XIX века: сексуальная сфера // Человек в мире чувств. Очерки истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Изд-во РГГУ, 2000. С. 85—119.
- (Pushkareva N.L. Mir chuvstv russkoy dvoryanki kontsa XVIII — nachala XIX veka: seksual'naya sfera // Chelovek v mire chuvstv. Ocherki istorii chastnoy zhizni v Evrope i nekotorykh stranakh Azii do nachala Novogo vremeni / Ed. by Yu.L. Bessmertnyi. Moscow, 2000. P. 85—119.)
- [Сафонов 1997] — Сафонов М. Благонамеренная институтка // Родина. 1997. № 2. С. 41—44.
- (Safonov M. Blagonamerennaya institutka // Rodina. 1997. No. 2. P. 41—44.)
- [Форель 1906] — Форель А. Половой вопрос: Естественно-исторический, психологический, гигиенический и социологический этюд, предназначенный для образованных читателей / Пер. с фр. С.Э. Фуко с предисл. автора к рус. изд. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906.
- (Forel A. La Question sexuelle. Vols. 1—2. Saint Petersburg, 1906. — In Russ.)
- [Фуко 1996] — Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.
- (Foucault M. The will to truth: Beyond the knowledge, authority and sexuality. Moscow, 1996. — In Russ.)
- [Хили 2008] — Хили Д. Гомосексуальное влечение в дореволюционной России / Пер. с англ. Т.Ю. Логачевой, В.И. Новикова. М.: Ладомир, 2008.
- (Healey D. Homosexual Desire in Revolutionary Russia: the Regulation of Sexual and Gender Dissent. Moscow, 2008. — In Russ.)
- [Чодороу 2006] — Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера / Науч. ред. Н.И. Кигай; пер. с англ. И. Гиль Сон. М.: РОССПЭН, 2006.
- (Chodorow N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender / Ed. by N.I. Kigai. Moscow, 1999. — In Russ.)
- [Шестаков 2019] — Шестаков И. Половой вброс: почему традиция однополого образования — профанация // Известия. 2019. 3 февраля.
- (Shestakov I. Polovoy vbros: pochemu traditsiya odnopologo obrazovaniya — profanatsiya // Izvestiya. 2019. February 3.)
- [Brown 1986] — Brown J.V. Female Sexuality and Madness in Russian Culture: Traditional Values and Psychiatric Theory // Social Research. 1986. Vol. 53. No. 2. P. 369—385.
- [Corbin 1990] — Corbin A. Cries and Whispers // A History of Private Life. Vol. 4 / Ed. by M. Perro. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990. P. 615—668.
- [Engelstein 1992] — Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992.

- [Essig 1999] — *Essig L.* *Queer in Russia. A Story of Sex, Self, and the Other.* Durham: Duke University Press, 1999.
- [Faderman 1981] — *Faderman L.* *Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love Between Women from the Renaissance to the Present.* New York: William Morrow, 1981.
- [Foucault 1984] — *Foucault M.* *Histoire de la sexualité: Le Souci de soi.* Vol. 3. Paris: Gallimard, 1984.
- [Giddens 1992] — *Giddens A.* *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies.* Stanford: Stanford University Press, 1992.
- [Havelock 1936] — *Havelock E.* *Studies in the Psychology of Sex.* Vol. 1. New York: Random House, 1936.
- [Herzog 2011] — *Herzog D.* *Sexuality in Europe: A Twentieth-Century History.* New York: Cambridge University Press, 2011.
- [Johansson 2007] — *Johansson T.* *The Transformation of Sexuality: Gender and Identity in Contemporary Youth Culture.* Aldershot: Ashgate, 2007.
- [Moore 1992] — *Moore L.* “Something More Tender Still than Friendship”: Romantic Friendship in Early-Nineteenth-Century England // *Feminist Studies.* 1992. Vol. 18. No. 3. P. 499—520.
- [Smith-Rosenberg 1985] — *Smith-Rosenberg C.* *Disorderly Conduct: Visions of Gender in Victorian America.* New York: A.A. Knopf, 1985.
- [Stowe 1983] — *Stowe S.M.* “The Thing, Not Its Vision”: A Woman’s Courtship and Her Sphere in the Southern Planter Class // *Feminist Studies.* 1983. Vol. 9. P. 113—130.
- [Victorian women 1981] — *Victorian women* a documentary account of women’s lives in nineteenth-century England, France, and the United States / Ed. by E.M. Hellerstein, L.P. Hume, and K.M. Offen. Stanford: Center for Research on Women at Stanford University, 1981.
- [Zimmerman 2000] — *Zimmerman B.* *Lesbian Histories and Cultures: An Encyclopedia.* Taylor & Francis, 2000.